

УДК 821.111.09“19”

ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ В РОМАНАХ М. ЭМИСА «СТРЕЛА ВРЕМЕНИ» И «ЗОНА ИНТЕРЕСА»**А.А. МАРДАНОВ***(Полоцкий государственный университет)**andrewmardanau@ya.ru*

Проводится анализ иррациональности тоталитарной парадигмы мышления, основанной на рациональных идеологических построениях, которая привела к цивилизационному кризису и уничтожению гуманистической идеи человека. Художественное осмысление этого явления осуществляется посредством изображения промышленного и планомерного истребления людей в концентрационных лагерях в романах «Стрела времени» и «Зона интереса». Рассматривается изображение М. Эмисом фашистской идеологии как идеологии насилия, сумасшествия, примата животного начала и реализации инстинкта самоуничтожения. М. Эмис рассматривает фашизм как тотальную антиутопию, режим, который обратил мораль, гуманизм, культуру и рациональность, превратил порядок в хаос, объявил убийства, пытки и преследования необходимыми и благотворными для человечества. Использование приема обратного движения времени в романах М. Эмиса символизирует неисполнимое желание повернуть вспять траекторию массовых убийств и отменить позорные военные преступления.

Ключевые слова: фашизм, идеология, пропаганда, Вторая мировая война, концентрационные лагеря, дегуманизация, обратное движение времени.

Введение. Английский писатель Мартин Эмис (Martin Louis Amis, р. 1949 г.) изображает в своей прозе различные глобальные катастрофические события, среди которых большое внимание уделяется проблематике Второй мировой войны и массового уничтожения людей на промышленном уровне, которое писатель называет «...главным событием XX в.»¹ [1]. Вторая мировая война, по словам писателя, представляет собой историю насилия, сумасшествия, регрессии, «деформированной мужественности»² [2], выполнения человечеством программы по самоуничтожению. Фашизм писатель рассматривает как тотальную антиутопию, режим, который превратил порядок в хаос, объявил допустимыми убийства, пытки, преследования. Эмис говорит об умственной ограниченности и пошлости сознания как о необходимых условиях активного принятия фашистских идей. В романах «Стрела времени» (*Time's Arrow*, 1991) и «Зона интереса» (*The Zone of Interest*, 2014) Эмис размышляет о том, как Германия, страна философов, ученых, поэтов и романтиков, опустилась до такого фантастического позора и деградации; почему они позволили Евноху (как Эмис называет Гитлера) изнасиловать свои души; почему скотское в них возобладавало над человеческим; почему они устремились к собственному уничтожению³. Автор говорит о стыде, о котором говорил Ж. Делёз, – о стыде «...за то, что люди смогли сделать такое, ...за то, что мы не смогли этому помешать...» [4, с. 138]. Таким образом, Эмис исследует в романах «...катастрофический потенциал человечества, нашу способность, даже готовность навлекать апокалипсис на наши головы»⁴ [5].

Основная часть. Эмис пишет, что когда НСДП получила ключи от Канцелярии, большинство немцев почувствовали сказочное опьянение, будто реальность была заменена абстракцией, суррогатом. Немцы вернулись к невероятно древнему состоянию, «...когда мы все были мандрилами и бабуинами»⁵ [6]. Эмис сравнивает время правления Гитлера с Вальпургиевой ночью, «...временем, когда можно перейти границу между видимым и невидимым мирами; между миром света и миром тьмы»⁶ [6]. У немцев развился аппетит к смерти во всех направлениях: «принудительные аборты, стерилизации, эвтаназия – десятки тысяч случаев. Аппетит к смерти поистине ацтекский»⁷ [6]. Эмис разбирает название района Берлина Tiergarten на составляющие – Tier («животное», «зверь») и Garten («сад», «огород»), подразумевая, что Германия во время Второй мировой войны была населена и управляема зверями: «когда будущее

¹ «...The central event of the twentieth century» [1].

² «Warped masculinity» [2].

³ Здесь можно привести высказывание белорусского писателя В. Акудовича, который также подчеркивает деградацию интеллекта, которую подразумевает война: «як быццам не было дзвюх тысяч год цярплівага гадавання этычнага імператыву, як быццам чалавек зноў вярнуўся ў сваю дагісторыю» [3, с. 127].

⁴ «...Humans' catastrophic potential – our capacity, even willingness, to bring apocalypse down on our own collective heads» [5].

⁵ «...When we were all mandrills and baboons» [6].

⁶ «The time when you can cross the boundary between the seen and the unseen worlds. Between the world of light and the world of darkness» [6].

⁷ «The appetite for death... In every direction. Forced abortions, sterilisations. Euthanasia – tens of thousands. The appetite for death is truly Aztec» [6].

оглянется на национал-социализм, оно сочтет их такими же экзотичными и невероятными, как доисторические плотоядные хищники... Они не млекопитающие, не теплокровные...»⁸ [6]. О немце-нацисте того времени Эмис говорит, что он не является кем-то сверхъестественным, но в то же время он и не является человеком: «он не дьявол. Он – смерть»⁹ [6].

Эмис критикует несостоятельность рациональных парадигм мышления, доведенных до степени абсурда и приведших к катастрофическим событиям, в числе которых создание и функционирование лагерей смерти. В романе «Зона интереса» планомерное и рационализированное истребление людей нацистами отлажено настолько изоциренно, что его можно сравнить с искусством по созданию антиутопии. Нацисты в гротескной манере обнаруживают уровень своей деградации, когда с гордостью провозглашают, что, в соответствии с новой идеологией, они категорически отвергают христианскую систему добра и зла: «...устранение детей и стариков требует других достоинств и добродетелей – фанатизм, радикализм, жестокость, неумолимость, суровость, холодность, безжалостность»¹⁰ [6]. Ранее в романе «Стрела времени» Эмис пишет, что «национал-социалисты нашли в мозгу центр рептильной памяти – и проложили туда автостраду» [7, с. 185]. С помощью гротескной теории космического происхождения «арийцев» Эмис демонстрирует, на что способна идеология: Земля возникла, когда замерзшая комета размером с Юпитер столкнулась с Солнцем. В течение триллионов лет последовавшей за этим событием зимы бережно формировались первые арийцы. Таким образом, только низшие расы произошли от приматов, в то время как нордические народы сохранились криогенным способом от самого начала земного времени на исчезнувшем континенте Атлантида.

Рационализированное промышленное убийство не только служит ускорению самого процесса уничтожения людей и увеличению его рентабельности, но и призвано пощадить нервы убийц. Не смотря на то, что оправданию преступлений против человечества служит мощная идеологическая пропаганда, сам факт того, что некоторые убийцы сходят с ума от собственных антигуманных действий свидетельствует о несовершенстве в пропаганде. Автор демонстрирует ее несостоятельность в различных эпизодах. Например, один нацист тайно признается другому, что он обрадовался удобному рационализаторскому предложению – введению в употребление нашивок с желтыми шестиконечными звездами, без которых он не мог отличить евреев от «своих». Обоняя тяжелый запах, исходящий от «Весеннего луга», которым в романе называется участок Аушвица, куда сбрасываются все трупы, комендант Пауль Долл удивляется: «если то, что мы делаем, хорошо, почему так пронзительно плохо пахнет?»¹¹ [6]. Он уверен в своей правоте, но при этом опасается за свой рассудок. По этой причине он внушает сам себе: «...я нормальный человек с нормальными потребностями. Я совершенно нормальный. Именно это, кажется, никто не понимает. Пауль Долл совершенно нормальный»¹² [6]. Надзиратели также не считают свои поступки зверскими, поскольку они, по крайней мере, не едят своих жертв. В романе изображены в присущей Эмису авторской манере истощенные и раздавленные трупы, покрытые грязью, нечистотами, тряпками, запекшейся кровью, ранами и нарывами, однако единственной трагедией для коменданта Аушвица является смерть черепахи его детей.

Другим примером иррациональных рационализаторских предложений является следующий замкнутый круг: «...они убивали пациентов психиатрии в Кенигсберге. Зачем? Чтобы разгрузить коечный фонд. Для кого? Для всех мужчин, которые свихнулись, убивая женщин и детей в Польше и России»¹³ [6]. Следовательно, каждое последующее рациональное решение является таким же иррациональным, как описанная в романе история человека из Линца, который ударил свою жену ножом сто тридцать семь раз – второй удар был нанесен, чтобы оправдать первый, третий – чтобы оправдать второй, и так до полного физического изнеможения. Таким образом, как пишет исследователь творчества Эмиса Б. Финни, «систематическое истребление ...невинного мирного населения является в высшей степени иррациональным деянием, опирающимся на рациональные средства для его реализации»¹⁴ [8]. Как идейный и исполнительный фашист, комендант Пауль Долл постоянно думает о работе. Например, во время концерта классической музыки он мысленно подсчитывает, как быстро можно отравить газом всех присутствующих

⁸ «When the future looks back on the National Socialists, it will find them as exotic and improbable as the prehistoric meat-eaters... They are not mammals. Mammals, with their warm blood and live young» [6].

⁹ «He is not the Devil. He is Death» [6].

¹⁰ «...Disposing of the young and the elderly requires other strengths and virtues – fanaticism, radicalism, severity, implacability, hardness, iciness, mercilessness...» [6].

¹¹ «If what we're doing is so good, why does it smell so lancingly bad?» [6].

¹² «...I am a normal man with normal needs. I am *completely normal*. This is what nobody seems to understand. Paul Doll is completely normal» [6].

¹³ «...They were killing psychiatric patients in Konigsberg. Why? To clear bedspace. Who for? For all the men who'd cracked up killing women and children in Poland and Russia» [6].

¹⁴ «The systematic extermination of ...innocent civilians, an act of the highest irrationality, relied on rational means for its implementation» [8].

зрителей; какое количество газа понадобилось бы на данное количество людей при данном объеме зала; сколько бы стоили их волосы и золотые зубы. Он размышляет о повышении производительности и улучшения рентабельности своей фабрики смерти, поскольку начальство от него постоянно требует увеличения пропускной способности крематориев. Долл постоянно думает, как избежать заражения воды от трупов; как заставить быстрее разгореться большее количество тел; как заключенным объяснить запах из «Весеннего луга» и крематория и т.д.

Надзиратель-еврей Шмуль предлагает ему рациональный совет для решения одной из проблем. Долл знает, что для увеличения пропускной способности печей, нужно загружать в них одновременно большее количество трупов без одежды, но он не знает, как заставить их быстрее разгореться и сэкономить при этом топливо. Для улучшения возгорания Шмуль предлагает использовать человеческий жир, а для ускорения процесса сжигания – вместо печей создать один большой открытый погребальный костер, который горел бы круглосуточно. При подсчете трупов по количеству черепов для расчета производительности фабрики также возникают проблемы, поскольку из голов производят мыло. Для повышения точности и скорости подсчета работники лагеря вносят рационализаторское предложение – считать бедренные кости и делить на два. В романе также раскрывается роль компании IG Farben в системе функционирования концентрационных лагерей. Кроме того, что фирма повышала их рентабельность, производя более дешевый, чем патроны, Циклон-Б для газовых камер, ее образованные и цивилизованные сотрудники (дизайнеры, инженеры, администраторы) пользовались трудами рабов из лагерей. Это не только символизирует тот факт, что идеология фашизма поражает различные слои населения, независимо от образа жизни и умственного развития, но и акцентирует мысль, что «бюрократия по своей сущности способна на акт геноцида»¹⁵ [6].

Парадоксальные и абсурдные события для своего выражения часто в постмодернистской поэтике требуют парадоксальной и абсурдной повествовательной техники. Читая книгу «Нацистские врачи: Медицинское убийство и психология геноцида» (*The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*, 1986) Р. Дж. Лифтона, Эмис понял, что то был психотически перевернутый мир. На форму романа «Стрела времени», в котором использован прием обратного движения времени и нарушения его одномерности, также повлиял роман К. Воннегута-младшего «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (*Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade*, 1969), в котором описано, как бомбардировщики возвращались на базу, из бомбовых отсеков самолетов вынимали бомбы и отправляли их назад в США, где их разбирали на фабриках на минералы, которые отсылали специалистам в отдаленных районах, чьих работой было спрятать их в земле так, чтобы они больше никогда не причинили вреда.

Роман «Стрела времени» представляет собой «художественную деконструкцию времени»¹⁶ [9], в которой отменяется концепция поступательного развития истории. Идея заключается в том, что «...обратить историю – означает, аннулировать ее, вернуться в невинность времени до Падения Европы...»¹⁷ [1]. В произведении обращено не только время, но и мораль, человечность, рациональность, гуманизм. Обратное изображение функционирования концентрационного лагеря создает впечатление, что фашисты заново создают расу из пепла, как боги. Они втягивают пепел в трубы печей, вынимают тела из крематориев, складывают их, вставляют им золотые зубы, отвозят в газовую камеру, включают газ, трупы превращаются в живых людей, которым фашисты выдают одежду и развозят по домам. С помощью обратной хронологии изображения массовых убийств, которая нарушает причинно-следственные связи и отменяет моральную ответственность, автору удается обновить ужас и бесчеловечность этих событий, способность шокировать которых притупилась из-за многократного повторения. Идея Эмиса в том, что все деяния фашистов имели бы смысл, если бы они являлись своей полной противоположностью. А. ДеКёртис говорит о деянии фашистов, что «почти каждый поступок, ...каждое действие имеет обращенную мораль, если обратить стрелу времени вспять»¹⁸ [10, с. 47]. Автор показывает, что человечество развернулось на сто восемьдесят градусов и устремилось к самоуничтожению. Кроме того, что инверсия означает желание повернуть вспять траекторию холокоста, отменить все жестокости и преступления, оно также является «...обратной версией ницшеанской доктрины о Вечном Возвращении...»¹⁹ [11], согласно которой человечество обречено на повторение, что также выражено отсутствием традиционного окончания в романе, который завершается необходимостью его постоянного пересказа, что символизирует цикличность кризисных ситуаций и невозможность отмены зла.

Обратное изображение нанесения увечий в обезличенном и опасном городе, одно из основных предназначений которого заключается в обеспечении безопасности его жителей («...город исцелит их

¹⁵ «Bureaucracy is intrinsically capable of genocidal action» [6].

¹⁶ «A fictional deconstruction of time» [9].

¹⁷ «...To reverse history is to undo it, to return to the innocence of a time before the European Fall...» [1].

¹⁸ «Almost any deed, any action, has its morality reversed, if you turn time's arrow around» [10, с. 47].

¹⁹ «...A backwards version of Nietzsche's doctrine of Eternal Recurrence...» [11].

лезвием ножа, автомобилем, полицейской дубинкой, пулей» [7, с. 98]), пародирует противоречия между действиями Й. Менгеле и призывом доктора, призывом которого стали издевательства и убийства ради исцеления нации, что символизирует радикальный переворот ценностей и жизненных ориентаций под воздействием идеологической пропаганды. Эмис демонстрирует как фашисты использовали «...идеологию убийства как способ исцеления»²⁰ [1]. Одной из задач Менгеле в романе является промышленное производство белых близнецов, т.е. однородного человеческого материала, призванного служить интересам фашизма. Это напоминает попытку претворения в жизнь некоторых явлений, описанных в антиутопическом романе О. Хаксли «Дивный новый мир» (*Brave New World*, 1932). Таким образом, как пишет Дж. Вуд, «нацисты первыми попытались превратить Холокост в [утопию]...»²¹ [11]. Эмис демонстрирует это явление на примере работы Менгеле, ответственностью которого была бесконечная борьба «...против здоровья, жизни и любви»²² [12].

В «Стреле времени» и «Зоне интереса» нацистские концлагеря показаны «...как мощная индустрия смерти, индустрия дегуманизации, апофеоз телесности...» [13, с. 183]. Например, для медицинских экспериментов в Аушвиц привозят сто пятьдесят женщин в «хорошем состоянии», но врачам не удается достигнуть конечных результатов, поскольку все женщины умерли во время эксперимента. По этой причине начальство лагеря в письменной форме запрашивает поставку такого же количества женщин, в таком же состоянии и по такой же цене – сто семьдесят марок за штуку. Они хотели сторговать до сотни, но продавец не уступил. Как пишет Л. Лангер, «в Аушвице умирали не просто люди, но также сама идея человека»²³ [14, с. 147]. Дегуманизация распространяется и на фашистов. Анализируя существительное *Kadavergehorsam* («рабское, слепое повиновение»), Эмис с помощью игры слов *Kadaver* («труп, падаль») и *gehorsam* («послушный») демонстрирует зомбированность охранников идеологией и смерть в них всего человеческого. Автор подчеркивает, что они постоянно прячут свои пустые глаза: «...глаза – окна души, а когда души нет, глаза также пусты»²⁴ [6]. Лишенные каких-либо человеческих чувств надзиратели и другие работники лагеря бездумно выполняют свою работу. Им даже неважно, что люди, которые проходят через их руки, принадлежат к их же расе, а иногда и к родственным народам. Один из надзирателей даже встречает в лагере брата-близнеца, другой – жену. Ему дали водки и салями, и спустя десять минут он уже весело вернулся к работе.

Племянник М. Бормана Ангелиус Томсен, офицер из Аушвица, напоминает новую модель робота. Он говорит: «все, что мне требовалось, это одно лишь слово от Дяди Мартина, точный приказ от Дяди Мартина из столицы, и я бы действовал»²⁵ [6]. Он не чувствует себя виновным и, глядя в зеркало, не видит в нем убийцу. Внешне он также соответствует идеальному биологическому материалу по версии идеологии национал-социализма: ростом шесть футов, три дюйма с синими, как кобальт, арктическими глазами, светлыми волосами, прямым носом, высокомерным ртом, широкими плечами, стройной талией, бедрами, крепкими, как мачты, идеальными коленными чашечками, икрами в стиле Микеланджело и др. Эпиграф к роману – отрывок из пьесы «Макбет», в котором приведен рецепт колдовского зелья, среди ингредиентов которого наряду с частями животных, упоминаются печень богохульствующего еврея, нос турка, губы татарина и др. – также пародирует рецепт искусственного создания человека и бесчеловечные медицинские эксперименты. Обреченность любви офицера Томсена и Ханны, жены коменданта лагеря, также символизирует бесчеловечность и абсурдность крематориев, газовых камер и других промышленных ужасов лагеря, олицетворяющих собой анти-разум, анти-любовь, анти-жизнь.

Эмис, как К. Воннегут в романе «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», осознанно стремится продемонстрировать невозможность изображения абсурда. В романе «Зона интереса» Гитлер, «...величайший из Потрошителей мира» [15, с. 654], по имени ни разу не назван, поскольку его название символизировало бы попытку концептуализации его идей, которые избегают здравого смысла. Этот прием является демонстрацией «...непереводимости опыта духовных и физических страданий в нарратив» [16]. Эпитеты, которые используются вместо его имени, делают его в какой-то степени мифическим и отдалают от реальности и от читателя. По мнению Эмиса, не только нельзя, но и не следует стараться понять логику военных преступников, поскольку это почти означало бы оправдать их, отождествить себя с ними: «...никакой нормальный человек никогда не сможет отождествить себя с Гитлером, Гиммлером, Геббельсом, Эйхманом и бесконечным количеством других»²⁶ [6]. Их слова и поступки бесчеловечны и

²⁰ «...An ideology of killing as a means of healing...» [1].

²¹ «The Nazis first attempted to turn the Holocaust into... [Utopia]...» [11].

²² «...Against health, against life and love» [12].

²³ «At Auschwitz, not only man died, but also the idea of man» [14, с. 147].

²⁴ «But the eyes are the windows to the soul, and when the soul is gone the eyes too are untenanted» [6].

²⁵ «All I needed was word from Uncle Martin, a specific order from Uncle Martin in the capital – and I would act» [6].

²⁶ «...No normal human being will ever be able to identify with Hitler, Himmler, Goebbels, Eichmann, and endless others» [6].

античеловечны, поэтому нам непонятны: «в нацистской ненависти нет рациональности; это – ненависть, которой нет в нас; ее нет в человеке...»²⁷ [6].

Анализируя в романе книгу М. Гилберта «Холокост: Трагедия евреев» (*The Holocaust: The Jewish Tragedy*, 1986), Эмис говорит, что факты о преступлениях фашистов неоспоримы, но в тоже время абсолютно невероятны, их просто невозможно усвоить нормальному человеку. Р. Розенбаум, на которого Эмис ссылается в своей книге, пишет: «я не могу объяснить поступки Гитлера. Не думаю, что кто-то другой может... Чем больше я узнаю о Гитлере, тем мне труднее объяснить»²⁸ [17, с. XV]. Сам Эмис по этому поводу пишет: «...конечно, мы не найдем никакой логичности и никакого вразумительного ‘почему’ от сумасшедшего»²⁹ [6]. Эмис также выражает негодование по поводу фразы «Я об этом ничего не знал», которая стала немецким послевоенным девизом. Он пишет о том, что на всю немецкую нацию распространилось ощущение раздвоения. Им было трудно построить новую национальную идентичность после всего, что они совершили. Сравнивая Гитлера и Сталина, Эмис говорит, что действия последнего, в отличие от первого, можно было понять: «...коллективизация и индустриализация Сталина, и даже достижение абсолютной власти были, по крайней мере, понятными (что не означает, что они были правильными, желаемыми или даже хорошо продуманными), хотя средства, которые он использовал, чтобы их достичь, были варварские. Гитлер использовал рациональные, индустриализованные средства (их даже можно было бы назвать “искусными”...) для достижения иррациональной цели – уничтожения каждого еврея»³⁰ [18].

Заключение. В романах «Стрела времени» и «Зона интереса» на примере тем концентрационных лагерей и античеловеческой идеологии национал-социализма, которая ввергла культуру в древнее примитивное состояние позора и деградации, Эмис выражает популярную в эпохе постмодернизма идею несостоятельности тоталитарных парадигм мышления, способствующих созданию диктаторских режимов, способных привести к катастрофам планетарного масштаба. С этой целью в романе «Стрела времени» писатель использует прием обратного движения времени, а в романе «Зона интереса» он разоблачает цинизм рационализаторских предложений по повышению рентабельности и пропускной способности фабрик смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Finney, B. What's Amis in Contemporary British Fiction? Martin Amis's Money and Time's Arrow [Electronic resource] / B. Finney. – Long Beach : California State University, 1995. – Mode of access: <http://web.csulb.edu/~bhfinney/amismoney.html>. – Date of access: 09.05.2009.
2. Adams, T. Amis's War on Terror [Electronic resource] / T. Adams // The Guardian. – 2008. – January 13. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/reviews_files/sp_adams.pdf. – Date of access: 27.05.2015.
3. Акудовіч, В. Дыялогі з Богам: суплёт інтэлігібельных рэфлексіяў / В. Акудовіч. – Мінск : Логвінаў, 2006. – 192 с.
4. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М. : Инс-т экспериментальной социологии, Спб. : АЛІТЕЙЯ, 1998. – 146 с.
5. Taylor, L.W. Times's Arrow as Postmodern Apocalypse : Temporal Ruptures, Perpetual Crisis and the Cultural Imagination [Electronic resource] / L. W. Taylor. – Mode of access: http://www.yorku.ca/etopia/docs/Intersections2009/L_W_Taylor.pdf. – Date of access: 18.03.2106.
6. Amis, M. The Zone of Interest [Electronic resource] / M. Amis. – Mode of access: <https://sites.google.com/site/mustofamediabook/read-the-zone-of-interest-online-download-pdf>. – Date of access: 22.01.2016.
7. Эмис, М. Стрела времени, или Природа преступления / М. Эмис. – М. : Эксмо; СПб. : Домино, 2004. – 192 с.
8. Finney, B. Martin Amis's Time's Arrow and the Postmodern Sublime [Electronic resource] / B. Finney. – Mode of access: <http://web.csulb.edu/~bhfinney/amistimesarrow.html>. – Date of access: 30.04.2106.
9. Lehman, D. From Death to Birth [Electronic resource] / D. Lehman // The New York Times Book Review. – 1991. – November 17. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/1991/11/17/books/from-death-to-birth.html>. – Date of access: 18.03.2106.
10. DeCurtis, A. An Outsider in This Society: An Interview with Don DeLillo / A. DeCurtis // Introducing Don DeLillo ; ed. by F. Lentriccia. – Durham, NC : Duke University Press, – P. 43–66.
11. Wood, J. Slouching Towards Auschwitz To Be Born Again [Electronic resource] / J. Wood // The Guardian. – 1999. –

²⁷ «There is no rationality in the Nazi hatred; it is a hate that is not in us; it is outside man...» [6].

²⁸ «I can't explain Hitler. I don't believe anyone can... The more I learn about Hitler, the harder I find it to explain» [17, с. XV].

²⁹ «...Of course we will get no coherence, and no legible why, from the mad» [6].

³⁰ «...Stalin's collectivization, industrialization, even the attainment of absolute power were at least comprehensible (which is not to say right, desirable or even thought-out) although the means he used to achieve them were barbaric. Hitler employed rational, industrialized means (one could even call them 'neat'...) toward an irrational end; the physical elimination of every Jew» [18].

- Mode of access: http://www.martinamisweb.com/reviews_files/Wood_slouchAuschTA91.doc. – Date of access: 21.03.2016.
12. Amis, M. Time's Arrow [Electronic resource] / M. Amis. – London : Jonathan Cape, 1991. – Mode of access: <http://dl.bookfi.org/converted/mygenesis/20/a1bf522a38017fcb0f16fad9d701c0b3.txt>. – Date of access: 22.02.2012.
  13. Джумайло, О.А. Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг. : диссерт. ...док. филол. наук / О.А. Джумайло ; Южный федеральный ун-т. – Ростов-н/Д, 2014. – 395 л.
  14. Langer, L. Art from the Ashes / L. Langer. – NY : Oxford University Press, 1995. – 694 p.
  15. Эмис, М. Лондонские поля / М. Эмис ; пер. с англ. Г. Яропольского. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2007. – 816 с.
  16. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература : новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – СПб. : Невский Простор, 2001. – 416 с.
  17. Rosenbaum, R. Explaining Hitler, The Search For The Origins of His Evil / R. Rosenbaum. – NY : Random House, 1998. – 464 p.
  18. Taylor, Ch. Koba the Dread, by Martin Amis [Electronic resource] / Ch. Taylor. – Mode of access: http://www.martinamisweb.com/reviews_files/salon_koba2.pdf. – Date of access: 30.04.2106.

Поступила 24.06.2016

**THE REPRESENTATION OF FAILURE OF RATIONAL IDEOLOGICAL CONSTRUCTS
IN M. AMIS'S NOVELS «THE ZONE OF INTEREST» AND «TIME'S ARROW»**

A. MARDANAU

The article deals with the irrationality of the rational totalitarian thinking paradigm based on rational ideological constructs that led to the crisis of civilization and the destruction of the humanistic concept of man. The artistic interpretation of this phenomenon is presented in M. Amis's novels «Time's Arrow» and «The Zone of Interest» by way of portraying the industrial and systematic extermination of people in concentration camps. The article deals with M. Amis's depiction of the fascist ideology as an ideology of violence and insanity that brings out animality in man and calls forth the self-destruction instinct. M. Amis regards fascism as total anti-utopia, a regime that reversed morality, humanity, culture, and rationality, turned order into chaos, and announced murder, torture and persecution as necessary and beneficial for mankind. The usage of the time reversal stylistic device symbolizes the unrealizable desire to reverse the trajectory of mass murders and cancel shameful war crimes.

Keywords: *fascism, ideology, propaganda, Second World War, concentration camps, dehumanization, time reversal.*